

Новое о Фридрихе Хоутермансе

В. Я. Френкель,

доктор физико-математических наук
Физико-технический институт им. А. Ф. Иоффе РАН Санкт-Петербург

ДАВНО интересуюсь работами и судьбой Ф. Хоутерманса, которому в «Природе» была посвящена интересная статья И. Б. Хрипловича¹. Интерес возрос еще после того, как я ознакомился с совместными работами Хоутерманса, И. В. Курчатова и их сотрудников, посвященными физике нейтронов. А два с лишним года назад прочел книгу А. С. Вайсберга-Цыбульского², на которую не раз ссылается Хриплович. Вайсберг был коллегой и другом Хоутерманса, как и он — членом Компартии Германии. С середины 30-х годов судьба свела их в Харьков, в стенах Украинского физико-технического института (УФТИ). Пожалуй, среди физических институтов страны он принял на себя самый жестокий удар сталинской репрессивной машины. Л. В. Шубников и еще двое — экспериментатор В. С. Горский и теоретик Л. В. Розенкевич — были расстреляны в 1937 г. Л. Д. Ландау, А. И. Лейпунский, И. В. Обреимов — арестованы, но, к счастью, освобождены из заключения. Этими известными именами далеко не исчерпывается список пострадавших сотрудников УФТИ. Не избежали ареста и Вайсберг с Хоутермансом.

Укажу еще одну причину, по которой меня интересовала судьба Хоутерманса. Она связана с упомянутым в статье Хрипловича приездом Хоутерманса в оккупированный Харьков. Вокруг этого факта возникло немало легенд.

Свою эмоциональную статью Хриплович заканчивает словами прощания с Хоутермансом. Для меня отклик на нее станет, как хотелось бы думать, первой публикацией о талантливом немецком физике, который выполнил пионерские работы по астрофизике и физике ядра, электронной микроскопии, внес вклад в геохронологию и ту область, которую сейчас называют лазерной физикой. О человеке, который оказался в нашей стране «в ее минуты роковые». Который работал в крупнейших физических центрах Европы. Который был связан деловыми (а иногда и дружескими) узами с выдающимися физиками XX в. — Н. Бором, М. Борном, Г. А. Гамовым, Х. Казимиром, П. Л. Капицей, И. В. Курчатовым, А. И. Лейпунским, О. Фришманом, Л. В. Шубниковым и многими другими.

Находясь в 1991 г. в Копенгагене, я познакомился с письмами Хоутерманса к Бору. Из

их содержания стало ясно, что в конце 40-х годов Хоутерманс писал книгу, в которой собирался рассказать о двух трудных годах, проведенных им в тюрьмах Харькова, Киева и Москвы. Ее мне тогда же удалось найти — она оказалась в архиве Нильса Бора. У книги два автора — Ф. Бек и В. Годин³, и если бы я не был знаком с письмами Хоутерманса Бору, то никогда бы не обратил на нее внимания. Некоторые части книги писались авторами совместно, другие — порознь. Хоутерманса легко было узнать в тех местах, где речь шла о Харькове (по содержанию и некоторым замечаниям было ясно, что автор — представитель точных наук).

Не буду анализировать здесь эту книгу, как и еще более интересную книгу Вайсберга (обе они вышли в 1951 г.). Ограничусь лишь замечанием о том, что, прочитав я их в начале 50-х годов, «Архипелаг Гулаг» не произвел бы на меня столь оглушительного впечатления.

Хриплович справедливо указывает, что даже простые биографические сведения о Хоутермансе, разбросанные в разного рода публикациях, подчас противоречат друг другу. Парадоксально, но эти противоречия и разночтения удается однозначно снять, ознакомившись с «арестным делом» Хоутерманса. Оно, как и дело Вайсберга, сохранилось в архивах бывшего КГБ, и я получил возможность с ним ознакомиться⁴.

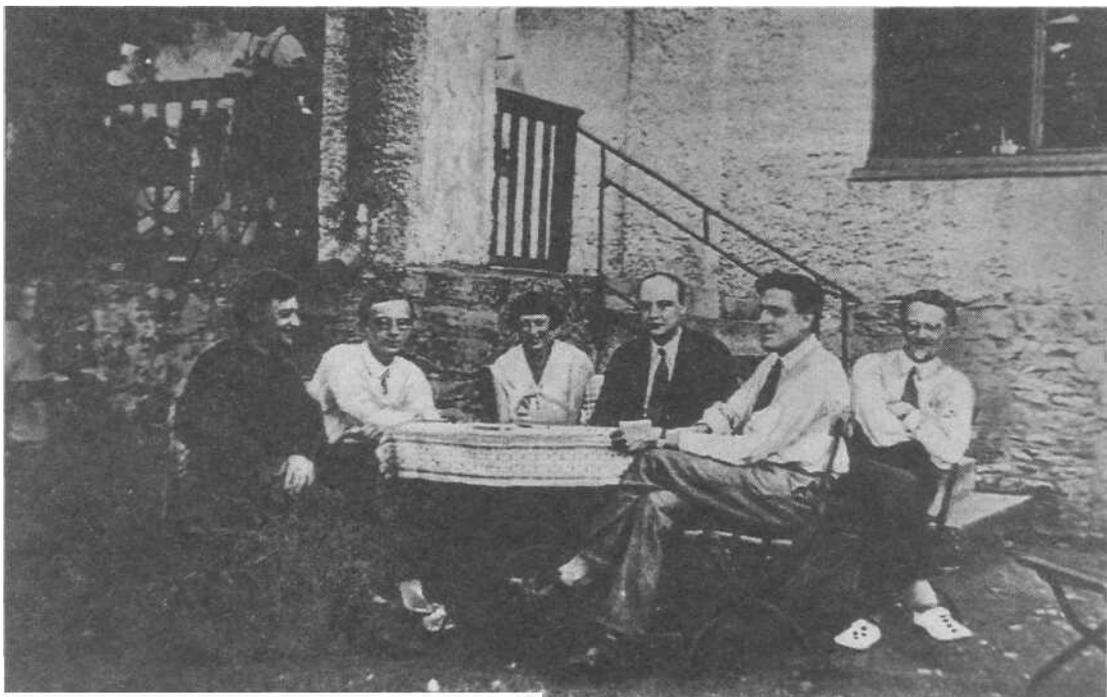
В деле Хоутерманса содержится материалы нескольких типов. Первый из них — несомненно достоверные данные о нем самом, некоторых лицах из его окружения и обстоятельствах биографии. Другой пласт — показания, полученные от него, безусловно под давлением, а иногда — это очевидно — просто выбитые (извест-

³ Я не знаю, по какой причине авторы книги выбрали себе именно эти псевдонимы и под каким из них скрывался Ф. Хоутерманс. Другим автором (как мне любезно сообщила М. Р. Кемоладзе, также занимающаяся биографией Хоутерманса) был сотрудник Киевского университета Штепа. Он был до войны освобожден из заключения, видимо, остался в Киеве и ушел оттуда вместе с отступавшими немецкими войсками в конце 1943 г. Просмотрев каталоги Библиотеки конгресса США, я склоняюсь к мнению, что это — Константин Федосеевич Штепа (1896—1958). Несколько его книг о советской науке опубликованы в США. Что касается его и Хоутерманса, то она называется так: Beck F., Godin W. Russian purge and the extraction of confession. London — New York — Melbourne — Sydney — Capetown, 1951.

⁴ Я хотел бы выразить искреннюю признательность Ж. И. Алферову, по депутатскому запросу которого дело разыскали и предоставили для изучения.

¹ Хриплович И. Б. Звезды и тернии Фридриха Хоутерманса // Природа. 1991. № 7. С. 86—91.

² Weissberg A. S. The Accused. Politcrimes and offence in Russia. N. Y., 1951.

Слева направо: Ю. П. Маслаковец, Г. А. Гамов, А. В. Фок (Лермантова), Ю. А. Крутков, Ф. Хоутерманс, Н. Н. Андреев, Геттинген. Лето 1928 г.

но, что у Хоутерманса на допросах были выбиты все зубы).

По материалам следствия можно, думается, восстановить метод получения и фиксации показаний арестованных. Вместо того чтобы формулировать его в общей и неизбежно усложненной форме, я приведу здесь поясняющие примеры. Следователю известно, скажем, что Хоутерманс встречался в Берлине с тогдашним директором УФТИ И. В. Обреимовым. Хоутерманс этого, конечно, и не отрицает. Он даже помнит время и место встречи — 1929 г., кафе на Фридрихштрассе. Каково было содержание разговора? Хоутерманс отвечает, что интересовался положением в советской физике (видимо, уже тогда, в условиях поднимавшего голову фашизма, он подумывал об эмиграции в СССР). Обреимов рассказал ему о намечавшейся организации новых институтов на Украине, Урале, в Сибири.

Далее, очевидно, следует «обработка» обвиняемого. И вот ее результат: документ, зафиксированный в деле. Следователь задает вопросы о том, как проводилась **вербовка** Обреимова, где и когда происходила **передача** им Хоутермансу **секретных** сведений о планах развития советской физики, какие он давал Обреимову задания. Все это походит на дешевый детектив, да и обстановка соответствующая — в кафе и т. п. Вместе с тем в деле соблюдены все внешние формальности. Ответ на каждый вопрос следователя Хоутерманс скрепляет своей подписью.

Не менее фантастичны и обстоятельства вербовки самого Хоутерманса фашистским гестапо (следователю невдомек, что во время «вербовки», в которой признается Хоутерманс, гестапо еще не существовало).

Ниже приведены некоторые сведения биографического характера, почерпнутые из «арестного дела» Хоутерманса, и две выдержки из показаний, которые он давал в декабре 1939 г. уже в Москве, зная, что ему предстоит депортация в Германию. Укажу только, что за два года пребывания в тюрьмах Хоутерманса допрашивали, судя по протоколам, 14 раз (видимо, еще чаще «обрабатывали», чтобы получить показания). В деле Хоутерманса хранятся, кроме того, протоколы его очных ставок с разными лицами, арестованными в Харькове и хорошо ему знакомыми, а также копии их показаний — в той части, которая касается Хоутерманса.

Итак, краткое резюме биографического характера, почерпнутое из ответов Хоутерманса. Родился 22 января 1903 г. в Данциге. Отец — состоятельный юрист, последние годы жизни работал в Голландии. В 1906 г. развелся с матерью Хоутерманса (в материалах дела она фигурирует как Эльза Карловна), взявшей на себя заботы по воспитанию сына. Она биолог, к моменту ареста Хоутерманса находилась в эмиграции в США, где преподавала.

Хоутерманс, окончив университет в 1927 г., работал в Геттингене у нобелевского лауреата Д. Франка, а позже — в Высшей технической школе в Берлине у другого нобелевского лауреата Г. Герца. В 1933 г., получив разрешение Германской компартии, эмигрировал в Англию.

В судьбе Хоутерманса определенное участие принял П. Л. Капица, устроивший его на

работу на электромузыкальный завод в пригороде Лондона (его продукцию — грампластинки с маркой «His Master's Voice» — знали по всему миру). В архиве П. Л. Капицы хранятся письма Хоутерманса с рассказами о выполненных на заводе работах — свидетельства, кстати сказать, интереса П. Л. Капицы к исследованиям по передаче изображений: дирекция завода привлекала его к экспертным оценкам отчетов своих сотрудников⁵.

В Англии Хоутерманс жил с женой и двумя детьми. По приглашению находившегося в лаборатории Резерфорда А. И. Лейпунского он переезжает в Харьков, где с февраля 1935 г. начинает работать в УФТИ. Живет он в комфортабельной квартире № 2 дома № 16 по ул. Чайковского, принадлежащего институту. В 1937 г. его детям — дочери и сыну — было соответственно 6 лет и 2 года. Жена Шарлотта Густавовна (р. 1902) работала в редакции издававшегося в Харькове физического журнала «Physikalische Zeitschrift der Sowjetunion»⁶.

Хоутерманс бывал в СССР и до 1935 г. Он принимал участие в работе двух конференций — в Одессе (1930 г.) и Ленинграде (1931 г.) и в 1932 г. прочел цикл лекций в УФТИ.

Дело № 15844 по обвинению Хоутерманса Фрица Оттовича начато 29 ноября 1937 г. Еще 9 ноября этого года он выехал из Харькова в Москву и жил там вместе с семьей у Э. А. Кон-Фоссек на Большой Коммунистической улице, дом № 24. Хриплович правильно указывает, что арестован Хоутерманс на московской таможне 1 декабря 1937 г. А ордер на его арест был выдан некоему Бабенко еще 29 ноября. Обыск произвели, очевидно, уже после ареста. Из протокола обыска видно, что у Хоутерманса изъято семь папок с письмами. Зная круг его знакомых, можно только догадываться, какие интереснейшие документы в них содержались, и, видимо, утрачены навсегда!

Замечу еще, что, как следует из материалов допросов, это был второй обыск в жизни Хоутерманса — первый, в мае 1933 г., произвели фашисты в Берлине.

Теперь относительно второго, особо интересовавшего меня сюжета — приезда Хоутерманса в оккупированный Харьков. Напомню, что в начале 1941 г. он приступил к работе в частной лаборатории известного немецкого физика и инженера М. фон Арденне. В Германии, как и в Англии и США, к этому времени уже велись исследования по возможным военным применениям атомной энергии. (В СССР к ним приступили, как известно, весной 1942 г.) К этой работе хотел подключиться и фон Арденне.

Не вызывает удивления, что соответствующие поиски у физиков во всех этих странах велись сходным образом. Это был и выбор оптимальной методики разделения изотопов урана, и теоретические исследования цепной реакции деления, и разработка конструкции атомного реак-

«Протокол допроса арестованного Хоутерманса Фрица Оттовича от 3—4 декабря 1939 г.

уроженца г. Данцига, члена Коммунистической партии Германии с 1925 г. До ареста работал научным руководителем в УФТИ. Проживал в Харькове, ул. Чайковского, 16, кв. 2. Допрос начат в 21 час 40 мин. Окончен в 14 час. 45 мин.

Вопрос. Когда вы приехали в Советский Союз?

Ответ. В конце февраля 1935 г.

В. Где устроились на работу?

О. В Физико-техническом институте.

В. Долго ли там работали и на какой должности?

О. Я там работал до начала сентября 1937 г. в должности научного руководителя⁷.

В. Почему вы оставили работу в октябре 1937 г.?

О. Потому что я был уволен.

В. По какой причине?

О. В приказе не была указана истинная причина увольнения, но мне сказал директор Института⁸ за неделю до этого, что он вынужден меня освободить от должности, как иноподданного, и в связи с этим мой договор не будет продлен.

В. А когда вы были арестованы?

О. 1 декабря 1937 г.

В. В чем же вы признаете себя виновным?

О. Я признаю себя виновным в том, что я дал ложные показания, в которых оговорил как себя, так и ряд других лиц, которые мне были известны как абсолютно честные люди.

Кроме того, я признаю, что в частных разговорах, в кругу своих знакомых, посещавших мою квартиру, я критиковал с антисоветских позиций отдельные мероприятия советских учреждений и правительства. Например, закон о запрещении абортов⁹ и т. п. Такую критику в советских кругах принято называть контрреволюционной, поэтому я признаю себя в этом виновным. Затем я вел антисоветские разговоры в камере.

В. Вы на следствии дали обстоятельные

⁷ В УФТИ Хоутерманс работал в лаборатории А. И. Лейпунского.

⁸ В указанное время директором УФТИ был А. И. Лейпунский.

⁹ Все арестованные сотрудники УФТИ, с делами которых я ознакомился (Хоутерманс, Вайсберг, Розенкевич, Шубников), в качестве примера своей "контрреволюционной деятельности" называли свое резко отрицательное отношение к закону о запрещении абортов, полагая, вероятно, что обвинение на этой основе наиболее абсурдно.

⁵ Я благодарен П. Е. Рубину за возможность ознакомиться с соответствующими материалами из архива П. Л. Капицы.

⁶ Жена и дочь Руфь живут сейчас в Миннеаполисе, сын Ян — в Беркли (США).

показания о том, что являлись агентом гестапо. Разве вы от этих показаний отказываетесь?

О. Да, от всех ранее данных мною показаний я отказываюсь, так как я их вынужден был давать в состоянии тяжелого морально-физического положения.

В. Как понимать ваше тяжелое морально-физическое положение?

О. Перед тем, как начать давать свои показания в городе Харькове, я находился в непрерывном допросе без всякой возможности спать в течение примерно 10 суток. Наряду с этим я был поставлен в такие условия в камере, где мне другие арестованные прямо подсказывали о том, что нужно писать в моих показаниях, и называли фамилии знакомых мне лиц, которые, видимо, были сообщены им следователями¹⁰.

Кроме того, следствие зачитывало мне какие-то показания на мою жену, на основании которых мне прямо угрожали, что если я не буду давать показания, то мою жену тоже арестуют, а детей направят в детдом, зарегистрировав их под чужой фамилией, чтобы я их впоследствии не мог найти.

Под воздействием всего этого я решил давать о себе вымышленные показания, тем более, что следствие меня заверило, что по этим показаниям мне никакого серьезного наказания советским судом дано не будет, и я, как иностранец, буду только выдворен за пределы Советского Союза.

В. Почему же вы считаете показания, которые вы давали на следствии в Харькове, ложными?

О. На следствии я дал показания в *двух вариантах*¹¹. Первый вариант заключался в том, что я будто был завербован лейтенантом Шимпфом, который связал меня с резидентом гестапо Тисса, работавшим в свое время в Харькове и уехавшим за границу в 1937 г. Далее, я показал, что Тисса будто бы связал меня по шпионской работе с Фоминным — моим ассистентом, Руппом — электротехником Института метрологии и стандартов в Харькове, и Бенжамен Марго — детским врачом, работавшей также в каком-то детском учреждении в предместье Харькова. Далее, я показал, что, со слов Тисса, я понял, что шпионскую работу в пользу Германии проводят: Розенкевич, Вальтер, Шубников, Райтер, или Риттер, Оскар Гайль. Вот, в основном, первый вариант моих показаний. Они являются ложными потому, что ни один из названных мною лиц мне не известен как имеющий в той или иной степени причастность к германской разведке.

¹⁰ В книге А. С. Вайсберга прямо рассказывается о провокаторе, посаженном с ним в одну камеру и склонявшем его к показаниям, нужным следствию. Очевидно, то же имело место и в камере Хоутерманса.

¹¹ Здесь и далее отмечено мной. (В. Ф.)

В. С перечисленными в ваших показаниях лицами вы были знакомы?

О. Шимпфа как офицера германского рейхсвера я знал в 1931—1932 г. как изучающего физику в институте в Берлине, в котором я работал ассистентом. Близкого знакомства с ним я не имел, помню его фамилию просто как студента, а как разведчик Шимпф мне неизвестен.

В своих показаниях я указал, что в Англии со мной по поручению гестапо пытался связаться некий «Ганс». Заявляю следствию, что это лицо вообще не существует в природе¹². Я его придумал для того, чтобы обосновать свой приезд в СССР «с шпионскими заданиями».

Тисса работал научным сотрудником в УФИ в течение полутора-двух лет, затем выехал на жительство в Венгрию. Его как разведчика я также не знал и избрал его фамилию для того, чтобы первоисточником создания шпионской группы был такой человек, которого нельзя будет об этом спросить.

В. Почему вы стали на путь такой провокации?

О. В камере между нами, арестованными, постоянно обсуждался вопрос о том, в каком варианте давать шпионские показания. Мы приходили к выводу, что лучше всего как на организаторов шпионской работы указывать на тех лиц, которые являются мертвыми, и считалось большой ценностью, когда кто-нибудь из арестованных подсказывал другому фамилию того или иного умершего латыша¹³ или другое лицо иной национальности; эта фамилия сразу же использовалась другими арестованными для включения в свои показания.

В. По-вашему выходит, что все арестованные давали провокационные лживые показания?

О. Я должен оговориться, что такое явление, очевидно, не имело общего массового характера, но в той камере, в которой я находился, такой факт был».

¹² Мне не раз приходилось читать, что во время допросов Хоутерманс признался, что был связан с офицерами германской разведки — Г. Шарнхорстом и А. Гнейзенау. Про этих людей нельзя сказать, того, что сам он говорил о мифическом «Гансе» — что они вообще не существуют в природе. Они жили в XVIII—XIX вв., были генералами, участвовали в войне с Наполеоном (на стороне Пруссии). В то, что их имена назывались Хоутермансом, вполне можно поверить — мне, например, запомнилось, что один из наших арестованных признался, что был завербован разведкой Швамбрании. Однако, в деле Хоутерманса Гнейзенау и Шарнхорст не фигурируют. Быть может, он называл их на «подготовительных» (непротоколированных) допросах.

¹³ Почему Хоутерманс выделил именно латышей? Это, возможно, связано с тем, что ко времени пребывания его в камере, в Харькове шли аресты прибалтийцев. А. С. Вайсберг в своей книге указывает, что потоки арестованных, попадавших в Харьковскую внутреннюю тюрьму, всякий раз можно было объединить по тому или иному (часто — национальному) признаку.

За недостатком места я прерву здесь цитирование протокола допроса и перейду ко *второму варианту*, упомянутому Хоутермансом в начале его показаний.

Хоутерманс: «Мне зачитали показания Обреимова, в которых он указывал, будто я его завербовал для шпионской работы в 1929 г. Я же дал свои показания о шпионской работе с 1933 г. Встал вопрос о том, чтобы я прибавил свой шпионский стаж, так как не мог же я вербовать Орбеимова для шпионской работы в 1929 г., если сам до этого не был шпионом. Пришлось думать о каком-то новом вербовщике, так как фамилия Шимпфа, которого я знал в 1931—1932 гг., не подходила. Продумав этот вопрос, я решил писать *второй вариант* своих показаний, в которых своим вербовщиком назвал профессора Вестфалья. Я записал, что Вестфаль меня завербовал для шпионской работы в 1929 г. на том основании, что узнал о моей принадлежности к Германской компартии, и под угрозой лишиться меня работы, так как я работал у него ассистентом, привлек меня к шпионской работе».

Краткие сведения о лицах, упоминаемых Хоутермансом на допросах

Бенжамен Марго (в других местах следственного дела она фигурирует как Беньями Марго Бернгардовна) — врач, эмигрировавшая из Германии. Арестована в Харькове в 1937 г. В деле Хоутерманса имеется о двух очных ставках с Бенжамен. Вальтер Антон Карлович (1905—1965) — академик

АН УССР. Был в числе первых ленинградских физиков, приехавших в Харьков. Работы по физике полупроводников и диэлектриков и физике ядра.

Вестфаль В. К. (1882—?) — немецкий физик-экспериментатор, профессор Высшей технической школы в Шарлоттенбурге.

Гейль (Хейль) Оскар — немецкий физик, автор пионерских работ по физике высокочастотных электронных приборов. В начале 30-х годов жил в СССР. Был женат на А. Н. Арсеньевой-Гейль (1901—1991), впоследствии — профессоре ЛГУ. Уехав в отпуск в Германию, в СССР не вернулся. В дальнейших показаниях Хоутерманс отзываясь о нем скорее отрицательно.

Обреимов Иван Васильевич (1894—1981) — академик АН СССР. Первый директор УФТИ (с 1929 по 1933 г.). Работы по оптике и физике кристаллов. Был арестован в Харькове в 1938 г. и освобожден из заключения 24 мая 1941 г.

Розенкевич Лев Викторович (1905—1937) — теоретик и экспериментатор. В УФТИ переехал из Ленинградского ФТИ в 1930 г. Послед-

ние два-три года жизни занимался экспериментальной физикой в лаборатории А. И. Лейпунского. Профессор Харьковского политехнического института и университета. Арестован 5 августа 1937 г. и расстрелян 9 ноября того же года.

Тисса Ласло (р. 1907) — американский физик-теоретик венгерского происхождения. В настоящее время работает в Массачусетском технологическом институте. Провел в Харькове два года (1935—1937), работая у Л. Д. Ландау в теоретическом отделе. Исследования по сверхтекучести гелия, физике низких температур и другим проблемам теоретической физики.

Фомин Валентин Петрович (?) — физик-экспериментатор. Сын советского дипломата, жил в Берлине, где в конце 20-х годов окончил университет. Там же познакомился с Хоутермансом. В Харькове — с начала 30-х годов. Соавтор ряда работ И. В. Курчатова и Ф. Хоутерманса по физике ядра. В 1937 г., после начала волны арестов в УФТИ, пытался покончить с собой. Направлен в тюремную больницу. Дальнейшая судьба неизвестна.

Шубников Лев Васильевич (1901—1937). С 1930 г. в УФТИ, заведовал криогенной лабораторией, был профессором университета и Политехнического института. Создал научную школу, по составу — одну из сильнейших в СССР. Работы по физике и технике низких температур. Арестован 5 августа 1937 г. и расстрелян 10 ноября того же года.

Сведений о Шимпфе в немецких справочниках найти не удалось.

тора («котла») и т. д. Примечательно и другое соответствие, впрочем, тоже логически понятное. Из многочисленных книг по истории атомных исследований в Англии и США известно, что сразу после высадки союзников в Нормандии, буквально вслед за наступающими войсками, а иногда и опережая их, по территории Франции и Германии двигалась возглавляемая американским физиком С. Гоудсмитом миссия «Алсос»¹⁴. В ее задачи входил сбор сведений о том, как далеко продвинулись немецкие физики в создании атомной бомбы.

Сравнительно недавно мы узнали о том, что было уже давно известно узким кругам советских физиков: об отечественном аналоге миссии «Алсос». Ведущие физики-ядерщики страны — Ю. Б. Харитон, И. К. Кикоин, Л. А. Арцимович — и многие другие шли за наступающими войсками, искали (и находили) уран, обследовали центры восточной Германии, где могли вестись исследования по созданию атомной бомбы.

¹⁴ См.: Гоудсмит С. «Миссия "Алсос"». М., 1963; Юнг Р. Ярче тысячи солнц. М., 1961; Ирвинг Д. Вирусный флигель. М., 1969.

London 1933-1934

19. Fritz Houtermans (1903- 1965). The maverick physicist of Dutch-Austrian parentage who never achieved the success which his originality deserved. (Caricature by the author.)

Дружеский шарж О. Фриша (из Frish O. What little I remember. Cambridge, 1972). Подпись в книге гласит: «Фриц Хоутерманс (1903—1965). Физик голландско-австрийского происхождения, никогда не достигавший успеха, которого заслуживал его необычайный талант». Как видим, здесь тоже неточность: Хоутерманс умер 1 марта 1966 г.

Но вот, оказывается, первый вариант Миссии Алсос существовал еще задолго до того, как сама она возникла. Известно, что атомными исследованиями в Германии занимались несколько ведомств, в том числе и Люфтваффе¹⁵. Немецкие физики из публикаций в советских физических журналах, а также от коллег, побывавших в 30-е годы в СССР, знали о сильных ядерных лабораториях в институтах Ленинграда (Физико-технический, Радиевый), Харькова (УФТИ), Москвы (Физический институт им. П. Н. Лебедева). Естественно, немецкие атомщики были заинтересованы в получении соответствующей информации. В свете этих сообщений не удивительно, что вскоре после оккупации Харькова (24 октября 1941 г.) сотрудники УФТИ вдруг увидели Хоутерманса, въезжающего на мотоцикле во двор института. Одет он был, как гласит устойчивая версия, в форму СС. Это надолго определило у нас отношение к Хоутермансу. Сошлось, например, на воспоминания С. Э. Фриша. Их автор, на мой взгляд, несправедлив к Хоутермансу, причем в формировании такого отношения определяющую роль сыграл описанный эпизод¹⁶. На самом деле Хоутерманс был одет в форму Люфтваффе — чьим представителем он и был (наши физики тоже получили на время командировки в Германию в 1945 г. воинские звания и носили военную форму).

Задача Хоутерманса сводилась к тому, чтобы выяснить положение дел с ядерными исследованиями в УФТИ: кто из сотрудников соответствующих лабораторий остался в Харькове и что из оборудования не было вывезено на Восток. Была, я думаю, еще одна веская причина полагать а priori, что визит Хоутерманса был отнюдь не дружественным. Ведь после того, что он пережил в 1937—1939 гг., ему не за что было любить советскую власть!

Однако каковы же факты? Оборудование, оставшееся в Харькове, не было вывезено в Германию. Сказанное относится и к ускорителю Ван-де-Граафа — гордости харьковских физиков. А стоит заметить, что как раз в это время в Германии планировалось соорудить ускоритель того же типа, но на меньшее напряжение — 1 млн. В против 2,5 млн. В у харьковского. Далее, никого из сотрудников УФТИ в Германию не вывезли.

В феврале 1992 г. я встретился в Харькове с членом-корреспондентом АН Украины А. П. Ключаревым. Он рассказал, что Хоутерманс в течение короткого времени, проведенного в УФТИ (октябрь — ноябрь 1941 г.), щедро выдавал немногочисленным физикам, оставшимся в Харькове, справки о том, что они работают в УФТИ. Эти справки служили гарантией того, что предьявителей не тронут, не угонят в Германию.

Анатолий Павлович неоднократно видел Хоутерманса в УФТИ до войны. Во время оккупации — не видел. Но косвенным образом Хоутерманс сыграл, быть может, решающую роль в жизни Ключарева. Случилось это так. Положение с продовольствием в оккупированном Харькове уже в октябре — ноябре стало очень тяжелым. Горожане были вынуждены обменивать свои вещи на продукты в окрестных селах. Чем больший счет шел дням оккупации, тем дальше приходилось уезжать с этой целью от Харькова. Анатолий Павлович договорился со своим товарищем, тоже сотрудником УФТИ М. Д. Борисовым¹⁷ о том, что они поедут для «обменных операций» за пределы 25-километровой зоны. Для этого надо было получить пропуск в городской управе. Условились встретиться неподалеку от управы, на площади перед госпромом. Местом встречи выбрали гигантскую клумбу в центре площади (сейчас на этом месте — памятник Ленину). Ключарев вышел

¹⁵ Об этом см. в упомянутой книге Д. Ирвинга, где не раз говорится и о Ф. Хоутермансе.

¹⁶ Фриш С. Э. // Шубников Л. В. Избранные труды. Воспоминания. Киев, 1990. В части статьи Фриша, касающейся Хоутерманса, есть досадные неточности.

¹⁷ Михаил Дмитриевич Борисов (1903—1960) работал в УФТИ с 1934 г. С 1956 г. заведовал там лабораторией. Одну из своих работ выполнил совместно с И. В. Курчатовым.

Фотография из следственного дела.

из дому утром 14 ноября и сразу же отметил, но не придал этому значения, что на улице, особенно на центральной, Сумской, очень много немецких солдат и мало горожан. Дошел до условленного места встречи. Через какое-то время туда подошел и Борисов. Между ними произошел такой примерно разговор. Борисов: «Я надеялся, что ты не придешь». — «Почему?» — «Разве ты не слышал, что произошло?» — «Нет». — «Взорван особняк, в котором располагались высшие немецкие офицеры. Несколько человек убито. В городе начались облавы. Ехать никуда, конечно, нельзя, надо постараться добраться домой»¹⁸.

Они пошли обратно, но к тому времени огромная площадь (харьковчане любят подчеркивать, что она самая большая в Европе) была оцеплена. У всех, кто оказался на ней и на прилегающих улицах, проверяли документы и большую часть направляли в здание гостиницы «Интернационал» (ныне «Харьков»). Дошли до оцепления и Борисов с Ключаревым. Михаил Дмитриевич предъявил свое свидетельство, подписанное Хоутермансом. А на таких свидетельствах было написано, что

предъявители их работают по заданиям командования Люфтваффе (никаких заданий, естественно, никто не получал). Просматривавший документ солдат кивнул головой — можете проходить. «А это — со мной», — сказал Борисов, указывая на Ключарева. Так им удалось проскользнуть через оцепление. 14 ноября было задержано более 2 тыс человек. К вечеру их выстроили на площади и каждого десятого повесили. Виселицы были установлены вдоль всей Сумской и Свердловской улиц. «Так Хоутерманс, сам того не подозревая, спас мне жизнь», — закончил рассказ Анатолий Павлович.

С течением времени появились и другие, уже документальные свидетельства деятельности «миссии Хоутерманса». С наибольшей, пожалуй, полнотой они представлены в книге А. Крамиша¹⁹. Хоутерманс (по Крамишу, получившему доступ к архивам миссии «Алсос») был направлен в Харьков в качестве представителя Люфтваффе. Но задание он получил от Военно-морского ведомства Германии (хитросплетения отношений разобщенных и конкурирующих, а подчас и враждующих организаций рейха хорошо отражены в уже упомянутых книгах Гоудсмита, Ирвинга и др.). В этом ведомстве отделом морской артиллерии командовал адмирал К. Витцелль. Хоутерманс был ему представлен как специалист по физике ядра и внушил ему доверие. Ознакомившись с его работами, Витцелль способствовал командировке Хоутерманса в Россию. Началась она из Бреслау (ныне Вроцлав). В дальнейшем я буду следовать Кра-

¹⁸ О взрыве особняка на Сумской, осуществленном подачей из Воронежа радиосигнала на специальную мину (конструктор И. Г. Стариков), рассказано в очерке: Медведев Ю. В тот день // Пути в неизвестное. М., 1986. С. 231—261. В результате взрыва был убит начальник немецкого гарнизона Харькова, командир дивизии Георг фон Браун (брат Вернера фон Брауна), и, по словам Ключарева, 30 офицеров и солдат.

¹⁹ Kramish A. The Griffin. Boston, 1986.

мишу. Из Бреслау (полевая почта L-23-1-33) Хоутерманс двинулся в Харьков и Киев. В Харькове он провел более месяца и какое-то время был директором УФТИ (в дальнейшем это место занял полковник Эберт, химик, прибалтийский немец, проявлявший, по воспоминаниям, человеческое участие в судьбах сотрудников). Хоутерманс осмотрел лаборатории института, переговорил с сотрудниками. Результаты этой деятельности были отражены в официальном отчете. Выдержка из него приведена у Крамиша: «Единственное желание сотрудников УФТИ состоит в том, чтобы спокойно жить со своими семьями и спокойно работать. Было бы ошибочным думать, что они ненавидят советскую систему, хотя существование такой ненависти можно было бы ожидать. Напротив, большинство из них, особенно самые молодые и способные интеллектуалы, совершенно убеждены в том, что советская система является хорошей».²⁰

Другой источник указывает, что Хоутерманс весьма нелестно отзывался об оставшемся в УФТИ оборудовании. Так или иначе, адмирал Витцель, который характеризуется Крамишем как человек «умеренный», т. е. очевидно, отнюдь не оголтелый фашист, переслал этот доклад по инстанции — директору исследовательского отдела профессору Р. Ментцелю. А тот в конце марта 1942 г. написал, что с учетом глубокой секретности, в которой проводятся соответствующие исследования в Германии, «вопрос об использовании русских специалистов представляется весьма сомнительным»²¹. Таким образом, как мне кажется, задача, которую поставил перед собой Хоутерманс, была решена.

Этим в имеющейся у меня или в известной и достаточно обширной литературе официальные документы исчерпываются. Остается возможность их обсуждения. Представляется, что Хоутерманс, составляя отчет о поездке в Харьков, прежде всего руководствовался желанием уберечь УФТИ от разгрома, а его сотрудников — от депортации в Германию. Для этого ему даже не по-

надобилось в отчете отступать от истины, коль скоро речь шла о людях, настроения которых он хорошо знал по своему двухлетнему пребыванию в Харькове до войны и с которыми говорил в октябре — ноябре 1941 г. в оккупированном Харькове. Здесь он к тому же мог увидеть, как вели себя оккупационные войска (расправа 15 ноября), и это, вероятно, только укрепило его убеждения.

В пользу указанных соображений свидетельствует и все известное о Хоутермансе — прежде всего отзывы о нем физиков у нас в стране и на Западе (в Германии, Дании, Швейцарии). Напомним, еще об одном факте — о нем написано и у Хрипловича: оказавшись в 1943 г. в Швейцарии, Хоутерманс нашел в себе мужество сообщить коллегам из антигитлеровской коалиции о том, что в Германии ведутся работы по созданию атомной бомбы²².

Что касается состояния оборудования УФТИ, то можно смело утверждать, что Хоутерманс действовал в интересах советских коллег и друзей, которых любил и ценил, не смешивая с теми, кто мучил его в харьковской и киевской тюрьмах. Уже упоминалось, насколько немцы были заинтересованы в установке Ван-де-Граафа. Кроме того, Б. Г. Лазарев рассказывал мне, что не все ценное оборудование УФТИ удалось вывезти — кое-что осталось в институте. На нем, кстати, работы велись и во время оккупации.

Я сознательно ограничился двумя ключевыми эпизодами из жизни Хоутерманса в 1937—1942 гг. Это пятилетие было, наверное, самым тяжелым в его жизни. Но хотелось бы сказать, что как предшествовавшие, так и последующие годы таят в себе много интересного, частично уже опубликованного — многое сделано и в институте, организованном Хоутермансом в Берне, стараниями профессора И. Гейсса, который сейчас его возглавляет. Еще больше материалов хранится, наверное, в других архивах. Сцементировать все это в рамках одной биографии — дело будущего.

²⁰ Op. cit. P. 124.

²¹ Op. cit.

²² Op. cit. P. 162—163.